

Август 2002 г.

Моё письмо в редакцию «Нового Мира» от 6 августа 2002 г.

Глубокоуважаемая редакция!

К Вам обращается Александр Андреевич Намгаладзе,

1943 года рождения, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики Мурманского Государственного Технического Университета. Детали биографии и фото можно найти на моей страничке в интернете <http://a.namgaladze.tripod.com>.

Осмеливаюсь предложить Вашему журналу свои "Записки рыбакова-любителя" или их фрагменты (по Вашему усмотрению). Это произведение есть моя автобиография, изложенная в мемуарно-дневниково-эпистолярной форме. Она охватывает период с 1939 года по настоящее время. Все события происходили действительно, и все действующие лица фигурируют под их собственными именами.

Сочинение было начато в 1980-м году и писалось "в стол" - для потомства в узком смысле. По идеологическим мотивам возможность его опубликования на родине в те времена исключалась, контактов с Западом я тогда не имел, будучи "невъездным" учёным, тесно связанным с разработками для ВПК.

В эпоху ранней "горбачёвской гласности" я продолжал (и продолжаю в настоящее время) вести "Записки", но не успевал их обрабатывать или хотя бы переводить из рукописной формы в машинописную, поскольку был слишком увлечён борьбой за демократию и своей научной работой, да и своевременность их публикации тогда не была очевидной на фоне открытия множества запретных ранее авторов для массового читателя.

С началом компьютеризации я перевёл "Записки" в электронную форму и разместил их большую часть в интернете. К сожалению, в России интернет пока доступен далеко не всем читателям, интересующимся публицистикой, документальной прозой, мемуарами, а именно этой категории читателей адресованы в первую очередь мои "Записки".

Моё обращение в редакцию именно "Нового Мира", конечно, не случайно.

"Новый Мир" эпохи Твардовского и Лакшина был самым читаемым мною журналом в период формирования моего мировоззрения в середине 60-х годов и в каком-то смысле явился одним из участников описываемых в "Записках" событий. Он (в числе других источников) подогревал интерес к чтению запретной литературы, обернувшийся для меня приключениями с самиздатом, описанными в главах "Записок", посвящённых периоду с 1963-го по 1969-й год.

Распространение среди знакомых и чтение вслух "Собачьего сердца" и "Роковых яиц" Булгакова, писем Сталину Булгакова и Раскольникову, "Доктора Живаго" Пастернака, сочинений и обращений Солженицина, материалов судов над Бродским, Синявским и Даниэлем и тому подобных произведений закончилось для меня доносом и беседами в КГБ, и последующим отказом в приёме на работу в академический институт, куда я был официально распределён после окончания аспирантуры. (Много лет спустя я боролся на выборах за пост директора этого института, но занял лишь место замдиректора по научной работе.)

Эта первая часть "Записок" (назовём её условно "Приключения с самиздатом") представляется мне особенно актуальной именно в наше сегодняшнее время возрождения чекизма и угрозы возврата цензуры.

Но не только упомянутые приключения составляют содержание этой части. Вот что ещё туда входит.

Довоенные и блокадные Ленинград и Сестрорецк;

отец и мать на фронте, история их любви;

послевоенный Таллин и снова Сестрорецк, смерть Сталина; Песочная;

увлечение рисованием;

Батуми; дедушка Баграт, бабушка Христинья и тётя Гогоца;

мамины друзья школьных лет – Всеволод Бобров и Олег Белаковский (те самые – ЦДКА, ЦДСА,

ЦСК МО);

Севастополь и гибель линкора «Новороссийск», смерть дяди – начальника разведки Черноморского флота;

разрушенный Кёнигсберг-Калининград, где я заканчивал среднюю школу;

увлечение фотографией и поездка в Польшу в качестве фотокорреспондента в составе пионерской делегации;

я – футбольный вратарь и болельщик «Зенита» и Лёвы Бурчалкина;  
первая любовь;  
физфак Ленинградского университета и общага №1 на проспекте Добролюбова, друзья на всю оставшуюся жизнь;  
геофизические экспедиции, споры у костра о том, в чём был не прав Маркс (не пролетариат, а интеллигенция является прогрессивным классом), и что представляет из себя советский общественный строй;  
навязчивый невроз;  
вторая любовь, женитьба, рождение дочери;  
военные сборы в Сапёрном, бунт третьей батарее;  
родители в Египте (отец – военный советник у Насера);  
Калининградская магнитно-ионосферная станция и своя квартира в Ладушкине Калининградской области;  
летние и зимние рыбалки на Калининградском заливе;  
гибель Суходольского;  
аспирантура у Брюнелли;  
Ваха и Казбек – аспиранты из Дагестана;  
Полярный Геофизический Институт Кольского филиала АН СССР в Апатитах; полярные сияния, НЛО и космофизические Школы;  
дискуссии с друзьями; пражская весна и надежды, с ней связанные;  
августовское 1968-го года вторжение в Чехословакию и крушение надежд.

О содержании последующих частей "Записок".

Я остался без работы и был неожиданно пригрит крупным научным авантюристом, бывшим советским разведчиком шведского происхождения – Рунаром Викторовичем Гостремом, личностью весьма неординарной. Сначала сотрудничество, а потом борьба с ним составляют основную линию глав "Записок", относящихся к периоду с 1970-го по 1977-й год. Я бы так и назвал эту часть "Записок" – "Гостремиада".

В этой части изложена моя первая попытка разобраться со смыслом жизни, которая свелась к построению теории удовольствий – доморощенной гедонистической философии, а также подробно описана история возникновения калининградской научной школы математического моделирования ионосферы и её сотрудничества-соперничества с коллективами из Москвы, Иркутска, Томска и других геофизических центров СССР, разбросанных (из военных надобностей) от Калининграда до Якутска, Камчатка, Хабаровска, от Норильска и Мурманска до Ростова, Тбилиси, Ашхабада, Душанбе и Ташкента.

И везде поочередно проводятся Всесоюзные конференции и семинары, на которых научные и прочие дискуссии ведутся чуть ли не круглосуточно с обильными возлияниями. За границу мало кого пускали, но уж по СССР ездили. А Школы по физике ионосферы в Сочи (именовавшиеся Международными по причине обычного присутствия на них нескольких геофизиков из соцстран) со знаменитыми Операми про Школу!

Продолжена хроника калининградских рыбалок и походов за грибами, а также приключений с мотороллером «Турист», купленным себе в подарок по случаю защиты кандидатской диссертации.

Преподавание физики в Калининградском университете и его перестройка по-гостремовски.

Новые друзья. Работа в Вильнюсе на ЭВМ БЭСМ-6 вахтовым методом; почти западная жизнь.

Первая поездка на Алтай к бабушке моей жены. Бийск, село Большое Енисейское, Белокуриха, Телецкое озеро.

Поиски «дома Турбины» в Киеве, а сначала поиски журнала «Новый Мир» со статьёй Виктора Некрасова.

Главные события личной жизни – рождение сына и переезд в Калининград из Ладушкина.

Допуск к секретным делам и документам.

Главы, относящиеся к периоду с 1977-го по 1981-й годы, содержат письма отца Ианнуария (в миру Дмитрия Яковлевича Ивлиева, моего однокурсника, друга студенческих лет, ушедшего из аспирантуры кафедры физики Земли ЛГУ в Ленинградскую Духовную Академию, ныне известного богослова). Вопрос о смысле жизни обсуждается в них с христианских позиций подробно и развёрнуто. Лично для меня эти письма сыграли очень важную, во многом определяющую мои жизненные установки роль.

Переписка с отцом Ианнуарием представлена, как она и велась, на фоне хроники событий тех лет, включая описания рыбалок, приключений с новым транспортным средством – мотоциклом «ИЖ Юпитер-3» с коляской, перипетий борьбы в науке за истину и учёные степени, событий семейной жизни.

Самое страшное из них – смерть мамы в возрасте 56 лет.

Спасение с отцом из ледяной купели – провалились с мотоциклом под лёд Куршского залива. Эпопея последующего подъёма мотоцикла со дна залива.

Работы по договорам с секретными конторами.  
Двухнедельная командировка в ГДР (Потсдам, Берлин, Дрезден), и там не только научные дискуссии.

Ввод советских войск в Афганистан. Политическая хроника 1979-го года.  
Борьба с курением.  
Впервые в Тбилиси, впечатления от города и его жителей.  
Смерть Миши Родионова. Смерть Высоцкого. Гибель Суходольской.  
Встречи с друзьями дошкольных, школьных и студенческих лет.  
Вторая поездка на Алтай – теперь с детьми, счастливейшее время.  
Защита докторской.  
Слушаю записи Высоцкого.

Описание периода с 1982-го (года смерти Брежнева) по 1987-й годы в моих «Записках» посвящено, главным образом, работе над делом моей научной жизни – «Большой Моделью» - глобальной математической моделью околоземной космической среды, незавершённой, как и всё почти в науке, и по сей день, и над книгой «Физика ионосферы», написанной совместно с моим учителем Борисом Евгеньевичем Брюнелли. Но не забыта, конечно, и рыбалка, а к ней добавилась новая страсть – походы за янтарём, его поиски и добыча в послештормовых выбросах мусора на песчаных диких пляжах погранзоны Балтийского побережья. Политике и семейной хронике также уделено достаточно много внимания, в особенности, драматическим событиям первого брака нашей дочери и личности нашего первого зятя – поэта Дмитрия Ужгина, рождению нашего первого внука.

А также:

Володя Опекунов – будущий автор «Сурового друга».  
Алтайский родственник Петя Сапожников в Калининграде.  
Кризис среднего возраста. Страх быстротечности времени. Вегето-сосудистая дистония. В одной палате с настоящими гипертониками.  
Путешествия по Крыму на «Москвиче» с пацанами.  
«Балтика» (Калининград) – победитель зоны, «Зенит» (Ленинград) – чемпион!  
Чернобыль.  
Космонавт Ковалёнок и защита Серёжи Авакяна.

Главы, относящиеся к периоду с 1988-го по 1991-й год (год краха коммунизма и распада СССР), посвящены «Походу за демократию» - моему участию, в качестве кандидата, в выборах директора Полярного Геофизического Института и, как доверенного лица, в выборах Народных Депутатов СССР и РСФСР, моему знакомству и сотрудничеству с демократами первой волны – Полуэктовой, Оболенским, Игруновым, «Демократическим Союзом» и Валерией Ильиничной Новодворской, апатитским ДОСПом - Добровольным Обществом Содействия Перестройке и калининградскими «неформалами».

А также:

Политическая хроника этих бурных времён.  
Саша Харшиладзе о политике: - Чего хорошего в кратии этого демоса? Нынешняя система весь наш народ вполне устраивает. Не хватало только этому народу власть дать.  
Писатель Борис Золотарёв о моих «Записках» - «это надо тащить прямо в "Знамя" или в "Новый Мир"...».

Переезд в Мурманск. Начало замдиректорства в ПГИ. Жизнь в кабинете. Потеря четырёх зубов при защите государственной собственности.

Зимние лыжные и летние грибные и ягодные походы по сопкам Кольского полуострова.

Поступление сына на химфак МГУ, второе замужество дочери.

КБ «Салют» и тяжёлая космическая платформа для лазерных локаторов.

Демократия победила!?

Описания ельцинских и нынешних путинских времён с войнами в Чечне и прочими дефолтами и катастрофами, моим переходом из ПГИ в Мурманский Технический Университет, поездками в Штаты и по всей Европе, как научными, так и туристическими, рождением второго внука, переездом сына сначала в Италию, потом в Германию, переписка с ним и дочерью составляют две последние части «Записок», условно называемые «Ельцинские времена» и «Начало нового века», работа над которыми ведётся в настоящее время для размещения их в интернете.

Объём моего труда велик - более 20 мегабайт в ворд-докковском формате или около трёх тысяч страниц машинописного текста, 650 глав размером от одной до десяти страниц каждая (проиллюстрированных на моём сайте более чем тысячей фотографий), и не всё в нём, разумеется, равноценно. Но мне кажется, что для добротной публикации в журнале найдётся, что отобрать. Ознакомиться с «Записками» или их подробным оглавлением – «Пу твою дителем по «Запискам рыболова-любителя» можно в интернете по адресам

<http://a.namgaladze.tripod.com/guide.htm>

<http://www.proza.ru:8004/author.html?namgaladze>

По первому из этих адресов Вы попадаете в "Путеводитель", а оттуда в любую интересующую вас главу, кликнув мышкой по её номеру. Второй адрес не содержит фотографий (только текст) и быстрее загружается в компьютер. При наличии каких-либо проблем с интернетом или просто при нежелании туда лазить, я готов переслать в электронном или распечатанном виде любое количество текста по Вашему желанию.

Я привожу ниже одну из глав (56-ю), конечно, не дающую представления о труде в целом, - ибо он писался (и пишется) вот уже более двадцати лет, в течение которых, естественно, изменялись и автор, и его стилистика, - но всё же в чём-то показательную и выбранную просто потому, что в ней упоминается «Новый Мир».

### **Глава 56 (Из «Записок-рыболова-любителя»)**

Но не только научные проблемы обсуждались на наших семинарах. Разобравшись, наконец -то, с какой-нибудь задачей, устав и охрипнув от споров, мы шли пить кофе, благо кофеен вокруг было достаточно - у Петровского зала, в "академичке", под "восьмёркой", на филфаке и на истфаке, - и переключались на "злобы дня": делились впечатлениями от прочитанного, увиденного в кино, услышанного по "голосам" или от знакомых.

И здесь порой затевались не менее бурные дискуссии. Аудитория при этом расширялась: первым делом к нам присоединялся Дима. Он редко участвовал в наших научных спорах, но охотно вовлекался в обсуждение общих проблем, всех нас тогда горячо волновавших: Солженицын, Синявский и Даниэль, публикации "Нового Мира", "самиздат", Белинков, Стругацкие, Булгаков, анекдоты, события в Чехословакии.

Присоединялись иногда к нам и старшекурсники кафедры, одноклассники Чмырёва - Гена Гавриленко, Юра Владимиров, и ребята помладше - Сева Орлов, Володя Барсуков. Когда Б.Е. переехал в Апатиты и его место на кафедре занял Михаил Иванович Пудовкин, с ним появилась "Свет Санна" Зайцева (Светлана Александровна), Пудовкин взял на кафедру Ларису Зеленкову (бывшую Бахур, мою одноклассницу по Песочной и Сашенькину подругу по экспедиции), - все они тоже были любителями обсуждений животрепещущих вопросов общественного бытия, но чаще всего наши беседы велись в традиционном составе - Славик, Димуля, я, Юра и Виталик, причём трое первых "спелись" ещё в экспедиции, когда велись баталии вечерами у костра.

Позже, когда Ляцкий уехали в Лопарскую, Мальцев в Апатиты, Чмырёв в Ладушкин, я кочевал между Ладушкиным, Ленинградом и Апатитами, а Димуля оставался на кафедре, наш дискуссионный клуб, как ни странно, не развалился, хотя состав его стал переменным, в зависимости от места встречи. То Ляцкий появится на кафедре, а там мы с Димулей; то я в Апатитах, а там Юра, да и Ляцкие часто туда приезжали из Лопарской; то в Ладушкине мы с Чмырёвым заводим любимые разговоры. Так что содержание этих разговоров, о котором пойдёт речь ниже, не относится только к первой половине 1967-го года, когда все мы жили в Ленинграде и каждый день встречались на кафедре, в библиотеке, в кофейнях, собираясь обычно в конце рабочего дня в лекционной аудитории и засиживаясь там за этими разговорами до позднего вечера, а ко всему периоду моей учёбы в аспирантуре, то есть к трёхлетию с 1967-го по 1969-й год.

К началу этого периода (до вторжения наших войск в Чехословакию) достиг пика подъём свободомыслия в советской литературе и вообще в среде советской интеллигенции, начавшийся с разоблачений культа личности Сталина и связанных с ним "нарушений социалистической законности", как стыдливо именовались в официальной прессе массовые репрессии Народного Комиссариата Внутренних Дел против советского народа, когда законность не нарушалась, а просто-напросто вообще игнорировалась.

Джин свободомыслия полез из бутылки, приоткрытой Хрущёвым на XX-м съезде партии, и зараза сначала медленно, а потом всё быстрее стала распространяться в неокончательно ещё затюканных головах. Почуввав, что к добру это не приведёт, власти спохватились и начали запикивать джи на обратно: перестали публиковать Солженицына, арестовали Синявского и Даниэля за публикацию художественных произведений на Западе. Но Солженицын не унимался, продолжал писать свои "пасквили" и всякие открытые письма, и кончил тем, что по пагубному примеру Синявского и Даниэля стал публиковать свои произведения за границей, за что был сначала исключен из Союза Писателей, а затем изгнан из Союза ССР. Посадить за решётку, а точнее, вернуть в лагерь, где он уже сживал, его, однако, не решились: слишком много поклонников Солженицын имел на Западе даже среди так называемой "прогрессивной" общественности, включая Генриха Бёлля.

Критика в советских газетах "клеветнических" произведений Солженицына только разжигала к ним интерес, в машинописном виде они ходили по рукам, зачитывались до лохмотьев. То же самое происходило с произведениями Синявского и Даниэля, которые записывали с передач "вражеских голосов" - "Голоса Америки", Би Би Си, "Свободы", "Немецкой волны" и распространяли

самиздатовским способом неизвестные борцы за свободу в Советском Союзе, диссиденты, как их стали позже называть.

А в это время забурлила Чехословакия, где джин, выпущенный из бутылки, бушевал вовсю. На Съезде писателей ЧССР обсуждалось открытое письмо Солженицына Съезду советских писателей, оно сыграло немаловажную роль в развитии последующих событий в Чехословакии, где призыв Солженицына к свободе слова нашёл гораздо более благоприятную почву. В поддержку Солженицына и процесса либерализации в Чехословакии выступил отец советской водородной бомбы, трижды Герой Социалистического Труда, академик Андрей Сахаров, которого тогда ещё не решались публично клеймить.

Этот бум относительного свободомыслия проявлялся не только в самиздатовских сочинениях и в крайних высказываниях Синявского и Даниэля, Солженицына и Сахарова, которые, кстати, и в своей крайности не затрагивали (в то время, во всяком случае) основ советского общества, а были направлены на его очищение ото лжи и несправедливости.

Фронтвик Василь Быков, пользующийся и поныне (писано в 1980 г.) официальной благосклонностью, выступил на Съезде писателей Белоруссии с речью, близкой по духу к солженицынской, и, кстати, на год раньше (май 1966 г.).

В защиту обвинённых в антисоветизме Голонскова, Гинзбурга, Добровольского и Ложковой к партийному и государственному руководству в феврале 1968 г. обратились 22 советских писателя, среди которых были Константин Паустовский, Вениамин Каверин, Фазиль Искандер, Василий Аксёнов, Юрий Казаков и другие.

Статьи Лакшина, Белинкова, Померанцева, Владимова, Рассадина, весь дух публикаций "Нового Мира" (один "Живой" Можаяева чего стоил, или "Созвездие Козлотура" Искандера!), возглавлявшегося Твардовским, - всё дышало критицизмом по отношению к твердолобости идеологических руководителей советского общества в прошлом и настоящем, оборачивавшейся экономическими и социальными провалами, нищетой крестьян, дети которых повально бежали в города, беспробудным пьянством рабочего класса, бездуховностью интеллигенции, коррупцией, взяточничеством, воровством у государства везде, где только можно было что-то украсть.

Этим настроениям способствовало, несомненно, начавшееся понемногу переиздание произведений талантливых советских писателей и поэтов 20-х и 30-х годов - Бабеля, Платонова, Зощенко, Булгакова, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, ранних произведений Эренбурга, Шагинян, - произведений, находившихся долгое время если не под официальным запретом, то, во всяком случае, в официальном забвении.

Настоящий взрыв произвела публикация в двух номерах журнала "Москва" (в ноябрьском за 1966 год и январском за 1967-й) романа Булгакова "Мастер и Маргарита", главного его произведения, увидевшего свет лишь через 26 лет после смерти автора. Незадолго перед этим переиздаются "Белая гвардия" и "Театральный роман", сурово осуждённые критикой в своё время. Появление этого потока публикаций сулило надежды на ослабление цензуры и большую терпимость к литературному творчеству, выходящему за рамки "соцреализма", то есть приближающемуся к реализму обыкновенному.

Однако суровые приговоры Синявскому и Даниэлю (7 и 5 лет заключения с последующей ссылкой), исключение из СП Солженицына, нападки в центральной прессе на распоясавшихся чехословацких писателей показывали, что власти не намерены совсем бросать вожжи и позволять писателям писать как им вздумается.

Произведения упомянутых выше авторов и были, естественно, главным предметом наших обсуждений. Славик, например, чуть ли не выше всех ставил Солженицына, с чем мы с Димой категорически не соглашались отдавая приоритет Булгакову. Прочтение "Мастера и Маргариты" толкнуло к чтению всего, что было написано Булгаковым. Из недр Горьковки были извлечены издания 20-х годов: журнал "Россия", где были напечатаны "Записки на манжетах", сборник "Дьяволиада" (издательство "Недра"), где были собраны "Дьяволиада", "Роковые яйца" и ещё что-то.

Всё это копировалось на плёнку и печаталось затем на фотобумаге прямо на кафедре, в маленькой кафедральной фотолаборатории, находившейся под заведованием Димули, в двух-трёх экземплярах для особо желающих иметь у себя эти ранние произведения. Неизвестно откуда появилось в машинописном виде "Собачье сердце" того же Булгакова, то к одному, то к другому из нас каким-то образом ("кто-то дал почитать, а я перепечатал") попадали самиздатовские рукописи; некоторые из сохранившихся у меня я привожу здесь.

- Ну, что новенького? - задавался традиционный вопрос при встрече че кого-либо из нас в кофейне.

- Да вот, дали почитать...

- Ну-ка, ну-ка, покажи. А ты читал в последнем "Новом Мире"...?

- А ты "Улитку на склоне" читал Стругацких, вторую часть, в "Ангаре" напечатано? - и т.д.

Не только "Новый Мир", но и такие периферийные журналы как "Заря Востока", "Ангара", "Байкал" печатали на своих страницах интересовавших нас авторов, и ничто из напечатанного не проходило мимо нас.

Конечно, никаких особо новых социально-политических идей или воззрений в прочитанном мы не находили, мы просто наслаждались талантливой, подчас остроумной формой закамуфлированного или открытого изложения убеждений, которые разделяли.

"Свобода слова - да, цензура - нет! Демократия - да, тоталитаризм - нет!" - вот их краткая суть...

---

Остросюжетными мне представляются главы 78-81, 231-234, можно ими рекламировать «Записки»... Да и «Предисловие (написанное когда-то...)» полезно в этом плане.

С надеждой заинтересовать Вас и наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш

А.Намгаладзе

Мои адреса:

Служебный:

Кафедра физики МГТУ, Спортивная 13, 183010, Мурманск,

тел. (8152) 45 71 25, факс (8152) 23 62 50,

e-mail: namgaladze@mstu.edu.ru

Домашний:

а/я 5352, Северный проезд 16, кв.33, 183075, Мурманск,

тел. (8152) 26 25 66.

### **Ответ редакции от 7 августа 2002 г.**

Сожалею, но редакция не имеет сейчас возможности принимать на рассмотрение рукописи по электронной почте. Просим Вас распечатать текст на принтере и послать его в редакцию обыкновенной почтой по адресу: 101999, ГСП-9, Москва, Малый Путинковский переулок, д. 1/2, редакция журнала "Новый мир".

### **Письмо Сашули Мите и Лене от 9 августа 2002 г.**

Дорогие дети!

Спасибо большое за поздравления и добрые пожелания. Спасибо за фотографию и цветы. И вы с Леночкой хороши, и тюльпаны.

Сегодня с утра первой поздравила меня Лидия Анатольевна, потом тетя Тамара и Кореньковы.

Все поздравления были очень приятны. Ну и, конечно, папа меня поздравил - вернулся с пробежки с тремя красивыми красными розами (я к тому моменту уже встала и даже оделась) и ещё подарил крем "Nivea" (от морщин) и первый роман М.Пруста "На пути к Свану" из его серии "В поисках утраченного времени". Мы уже давно собирались почитать Пруста (чуть ли не со студенческих времён). Ещё отец Ианнуарий в своих письмах о романах Пруста упоминал. Да и читая других известных писателей XX века встречаешь много упоминаний о Прусте и его романах, но почему-то была всегда какая-то боязнь сложности его сочинений. К тому же раньше его мало издавали, и вот получилось, что в нашей домашней библиотеке не было ни одной его книги. Теперь будет, и мы познакомимся наконец-то с Прустом.

У нас уже почти неделю стоит очень холодная и дождливая погода, температура круглые сутки всего 8-10 градусов (слава Богу, тепла). Но в прошедшую субботу удалось без дождя съездить за грибами, опять по Пяйвенской дороге на полюбившееся нам место. И снова всего примерно за 1,5 часа набрали грибов полную корзину (большую, папину), маленькое ведерко и пакет. В основном, подосиновики, но уже пошли и крепкие сыроежки, и горькушки, и немного волнушки.

И снова я по просёлку рулила (и туда, и обратно) и даже разворачивалась, двигаясь задним ходом на поперечную отворотку. Этот манёвр и папе, и мне доставил ужасные волнения, поскольку вероятность оказаться в канаве была велика. Всё же реакция и координация движений и рук, и ног у меня уже не те, что нужно бы иметь. Может быть, тренировка и выработает навык, но времени на это потребуются достаточно много. В молодости всё это было бы проще и быстрее.

На работе в последнее время тоже была очередь занята. Пришла на нашу статью, посланную в *Annales Geophysicae*, рецензия с обоснованным указанием на отсутствие количественных оценок сопоставления томографических измерений с модельными расчетами (по нашей модели и двум эмпирическим). Вот и пришлось мне проводить статистическую обработку результатов и строить графики и так, и этак, чтобы папа смог убедить рецензента в правильности наших выводов. Я свою техническую часть работы вроде бы сделала, теперь папа обмозговывает, описывает, но, может, ещё что-то потребует посчитать и графически представить.

Пока, мои дорогие. От папы привет. Мы вас крепко целуем. Мама.

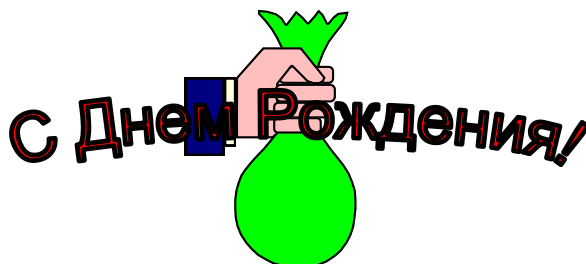


На Пяйвенской дороге, 3 августа 2002 г.

### Послание Миши от 11 августа 2002 г.

Дорогая бабуля!

Поздравляю тебя с днём рождения! Я желаю тебе оставаться всегда такой же молодой и весёлой, и пусть в твоей жизни будет побольше радости!



Первое мое поздравление до тебя не дошло из-за сбоя в нашей сети. Надеюсь, что это всё-таки дойдет!

### Письмо Сацули Мише от 12 августа 2002 г.

Дорогой внук!

Второе твое послание дошло. Спасибо за добрые пожелания. Вот только непонятен второй присоединённый файл "message.html". Он раскрывается Internet Explorer, но в нём ничего нет.

Как ты справляешься с обслуживанием Тимки и себя? Твоя мама по телефону сказала, что ты уже заскучал в одиночестве. Им без тебя тоже некомфортно. Беспокоятся о тебе. Продержись ещё немного. Осталось уже меньше дней, чем прошло.

Мы с дедом в выходные ездим за грибами. Каждый раз говорим себе, что не будем набирать много, чтобы не мучиться с переработкой. Но как же не брать, когда они попадаются? И ходим -то не больше, чем 1,5-2 часа. Сначала (две недели назад) шли почти одни подосиновики, а теперь пошли волнушки, сыроежки и любимые дедовы горькушки, которые здесь почти никто не берёт. Погода последние дней десять стоит почти осенняя, как обычно бывает в сентябре. Всего 8-12 градусов, пасмурно и часто идут дожди.

Ездим мы с дедом обычно на Пяйвенскую дорогу. Это такая грунтовая дорога на противоположном берегу залива с очень незначительным движением. Как только мы на неё выезжаем, дед сажает меня за руль и даёт уроки вождения. Едем в одну сторону около 23 км, там собираем грибы и назад до самого основного шоссе я снова за рулём. Но в моём возрасте получение навыков вождения уже небыстрое.

Слишком поздно мне пришла в голову мысль, что надо было бы предложить твоим родителям на время их поездки тебя отправить к нам в Мурманск (за наш счёт, разумеется, и если бы тебе самому захотелось). Покатался бы с нами по окрестностям.

Ну, пока, Мишенька. Мы с дедом тебя целуем.  
Бабуля.



Перекус у Пяйвенской дороги, 11 августа 2002 г.

### *Письмо Миши от 12 августа 2002 г.*

Дорогая бабуля!

Я рад, что второе мое поздравление хоть и с опозданием, но всё-таки до тебя дошло.

Дома у меня всё нормально. Сам себе еду готовлю, хожу по магазинам, стираю вещи. Правда, в нашем подъезде полностью забит мусоропровод, и от этого завелись тараканы. Тимка уже почти здоров, но мало ест и слишком много орёт. Наверное, пока он носил свой кокошник, у него немного испортился характер.

В Калининграде погода сегодня испортилась, пошёл дождь, и солнце скрылось. Но я думаю, скоро снова станет жарко.

Почти каждый день звонят Зинаида Ивановна и Надежда Григорьевна. Они думают, что один я не справляюсь и предлагают свою помощь.

Так что в целом у меня всё хорошо, хотя я, действительно, скучаю по родителям, но уже меньше.

Целую, Михаил.

P.S. Передавай привет деду ле.

### *Письмо Мити от 14 августа 2002 г.*

Привет!

Все выходные у нас беспрерывно лил дождь, загубивший ежегодный Seenachtsfest. До масштабов стихийного бедствия, как во многих местах Германии, у нас всё-таки не дошло, и сейчас летняя погода возвращается. Мы просидели в результате дома, готовимся к отъезду. Везти придётся очень много багажа – около 60 кг. В Домодедово (мы летим Трансаэро из Франкфурта) нас должны встретить и на машине отвезти в Тамбов.

На работе по-прежнему эксперименты идут сплошным потоком, и так же интенсивно они будут идти после моего возвращения.

Таковы вкратце основные новости.

Крепко целую.

Привет от Лены.

Митя.



## Моё письмо Мите и Лене от 14 августа 2002 г.

Здравствуйте, дорогие Митя и Лена!

В отличие от средней и южной Европы погода у нас не катастрофическая, а просто холодная и пасмурная. Температура воздуха плюс 8-10 градусов, а сегодня утром 4-6 и густейший туман, но когда он рассеялся, небо оказалось ясным, чего мы давно уже не видели. Мёрзнем и дома, где не только не топят, но и нет горячей воды, которую, как обычно в это время, отключили на целый месяц.

В воскресенье ездили с мамой к Пяйве. Мама рулила от Туломы и обратно, потихоньку набирает опыт, получается уже лучше.

Грибов опять набрали довольно быстро большую корзину, ведёрко и пакет – в основном сыроежки, горькушки и волнушки, за которыми, собственно, и ездили, поскольку подосиновиков набрали раньше достаточно, но несколько штук всё же подвернулось и десятка четыре подберёзовиков. Маме уже надоело грибы перерабатывать.



Алëша с бабулей Тоней, Владимир, август 2002 г.

Иринка с Ваней и Алëшей отдыхают у бабули во Владимире, но там тоже не жарко, а Михаил пасёт Тимку в Калининграде и скучает по родителям, но, по его словам, уже не так сильно, как вначале. Посылали в конце июля деньги почтовыми переводами ему по случаю окончания школы и поступления в университет, тёте Тамаре и Ирине ко дням рождения, но никто их ещё не получил до сегодняшнего дня.

О смерти Тамары Сергеевны узнали накануне её похорон по телефону от Люси – бывшей жены сына Тамары Сергеевны Гриши, который живёт там с весны и, по словам Люси, довёл мать до инсульта и смерти, что вполне правдоподобно, ибо Гриша давно уже спился и, похоже, начал вещи из квартиры пропивать. Люся уверяла, со слов соседки, что Гришу держат в квартире в заложниках какие-то его собутыльники, непрерывно там присутствующие, ожидая вступления его в права собственности на квартиру, чтобы квартиру у него отобрать.

Я попросил по телефону Кореньковых принять участие в похоронах Тамары Сергеевны и встретиться с Гришей, чтобы оценить обстановку. Направлять на похороны Михаила мне Кореньковы отсоветовали.

Впечатления Кореньковых от похорон и Гриши самые ужасные.

Никто Тамару Сергеевну помимо Кореньковых и невменяемого Гриши на кладбище не провожал, хоронили по самому дешёвому разряду. Кореньковы не сомневаются, что Гришу, действительно, «пасут», они видели этих «приятелей» и считают, что Гриша в этой квартире не жилец, если не на этом свете вообще.

Люся пытается спасти квартиру для Гришиного сына Сашу, ему лет двадцать, не больше, а для этого надо спасти Гришу из рук предполагаемых бандитов. Она обращалась в милицию, они вроде бы ходили к Грише и ей сообщили, что там, мол, пока криминала нет – ходят к человеку гости водку пить, он имеет право, кого хочет, к себе пускать.

Люся гонит в Калининград Сашу, который живёт в Хабаровске у её матери, но того якобы с работы не отпускают. С ним готов поехать в Калининград Василий Иванович – отец Гриши, живущий в Москве, но он ждёт Сашу. Люся боится, что они могут опоздать, и намекает, что, может, мне следовало бы туда поехать, и тогда «её благодарность не знала бы границ».

Конечно, Тамара Сергеевна не чужой мне человек. Но её уже нет, а есть Гриша, её прямой наследник. После похорон моего отца Тамара Сергеевна показала мне его завещание, в котором он всё завещал ей. Люся говорит, что Т.С. заставила подписать это завещание, когда отец был уже поражён инсультом. Мне тогда Тамара Сергеевна сказала, что она сама завещает всё тому, кто больше всех будет в этом нуждаться. Оставила ли она какое-либо завещание – мне неизвестно, хотя Люся уверяет, что она всё завещала Грише. В квартире он прописан и в отсутствие завещания является наследником первой очереди.

У Ирины в телефонном разговоре со мной мелькнула мысль – не вернуться ли ей в Калининград, но я не увидел в этом смысла: оспаривать права наследования можно в течение полугода (мама говорит, чтобы я не строил иллюзий на этот счёт), а рассчитывать на Гришину вменяемость не приходится. Спасибо ему и на том, что он когда-то притащил по поручению Тамары Сергеевны все альбомы с фотографиями, которые у неё оставались. Это, по-видимому, и всё, что останется нам от моих родителей.

Жора уезжает в Бельгию, Люба в подавленном состоянии, не хочет, чтобы я останавливался у Андрюшки в Питере, а сама едет на месяц туда к нему. Ничего больше не знаю.

Тётя Майя пишет, что их сын Андрей с женой собрались разбежаться.

От Милочки никаких сведений. Ирина от Италии окончательно отказалась. Я, наверное, двину в Питер за визами в ближайшие выходные, билет пока не брал.

На этом заканчиваю. Мы с мамой целуем вас обоих.

Папа

*29 августа 2002 г., Мурманск*

Вот и очередное лето промелькнуло.

Но настоящими летними для меня были только три недавних дня в Сестрорецке, когда я валялся на песочке «у читалки» и купался в Разливе до обеда, а после обеда пилил-колол дрова и носил воду у тётки Тамары «на даче».

Вообще с тёткой Тамарой мы прожили вдвоём целую неделю душа в душу, что было весьма удивительно после более чем годового периода странного охлаждения наших с ней отношений. Тётя Тамара намекала, что просто у неё с психикой не всё было в порядке из-за переживаний по поводу смерти дяди Вовы и из-за её собственной болезни. Теперь же она вполне походила на былую весёлую тётушку-хохотушку, по крайней мере, временами, и потрясала меня своей физической работоспособностью у себя на участке. Всё она делала с каким-то азартом даже – дрова перекладывала, огурцы собирала, грядки поливала, мусор убирала, без передыху, не разгибаясь, забывая о еде и времени.

Я ей денег оставил на полгода, в том числе на оформление права собственности на участок. Сошлись с ней взглядами на то, что хорошо было бы выкупить вторую часть участка у совладелицы Людмилы, старый дом снести и новый построить. Вот только где бы денег на это всё взять?

Из Сестрорецка в Питер по гостям я не выбирался, не было никакого желания с кем-либо встречаться, хоть и надо было бы. Звонил только Андрюшке, тот был на работе, разговаривал с Маринкой. Она сказала, что Люба у Галки – Жоркиной сестры и собирается ехать с Галкой к ней на дачу. Больше я попыток связаться с Любой не предпринимал.

С итальянскими визами, за которыми я собственно и ездил в Питер, я управился хоть и с переживаниями, но без приключений. Не повезло мне только с новыми кроссовками, которые я купил накануне поездки: умудрился в них натереть мозоль на мизинце, когда в первый день дважды бегал по каналу Гибоедова от Сенной площади до Театральной в итальянское консульство и обратно с довольно тяжёлой сумкой за спиной. И спина потом разболелась, и утренние пробежки по Дубкам в кроссовках не доставляли полноценного удовольствия.

А перед моим отбытием в Питер мы с Сашулей в очередной раз ездили к Пяйве. Погода была чудесной, солнечной. Мы целенаправленно ходили по волнушечным местам вдоль железнодорожной насыпи, и Сашуля отличилась: на обочине лесной

дороги наша семь белых, из которых три срослись под одной шляпой, а два выглядели просто образцовыми красавцами.



Пяйве, 17 августа 2002 г.

Машину Сашуля вела уже существенно увереннее, но в этот раз за учёбу пришлось заплатить стольник гаишникам, караулившим нарушителей на пересечении Пяйвинской дороги и Верхнетуломского шоссе. Нарушителями были мы оба: я как передавший управление лицу без водительских прав, и Сашуля, как управлявшая транспортным средством без водительских прав. Так что пора на курсы Сашуле записываться и права получать. Стольник гаишникам я предложил сам, чтобы протокол не составляли, и ребята с удовольствием его приняли.

Вчера вечером я проводил Сашулю в Москву-Владимир-Тамбов, а перед этим стресс пережил: захлопнул в своём кабинете связку ключей (от служебных помещений и от квартиры) и куртку с правами, документами на машину, ключами от машины и гаража, а запасной ключ от моего кабинета где-то у Валеры Ярова в лаборатории, а сам Валера из отпуска ещё не вышел и неизвестно вообще в Мурманске ли он. Хорошо хоть Сашуля дома была, и я смог домой попасть, где есть запасные ключи от квартиры, машины и гаража. Но отвезить Сашулю к поезду на машине без прав я не рискнул, и мы добрались до вокзала пешком, катя чемодан на колёсиках. Проводив же Сашулю, я машину-таки перегнал без прав от университета в гараж, а потом пошёл к Яровым. На мой звонок никто не откликнулся, и я смирился с тем, что придётся кабинетную дверь курочить.

На моё счастье сегодня утром на работе появилась Оля Ярова (она теперь вместо Валеры завлаб) и выдала мне ключ. А вчера вечером они в лесу были и дочке наказали никому не открывать. Она мой звонок слышала, но к двери не подходила, как родители велели.

Вчерашним же вечером звонила Ирина и сообщила, что едет в Тамбов из Москвы 10-го сентября. Договорились ехать вместе, если я не передумаю вообще в Тамбов ехать. А желание туда ехать у меня поубавилось после последнего телефонного разговора с Митей, который предупредил, что у них там очень много работы по ремонту квартиры, и они никому не предлагают алкогольных напитков, и ещё чего-то бормотал про уважительное отношение к Лене, так что я даже почти разозлился и процитировал понравившийся мне афоризм из «Аргументов и фактов»: - Самый надёжный способ ладить с ближними – держаться от них подальше.

На работе за дневным кофе я теперь читаю не «МН» или «АиФ», а 4-й том собрания трудов Эйнштейна, который принёс Олег Александрович Никонов, чтобы помочь мне ответить на просьбу отца Николая Балашова найти ссылку на источник известной цитаты из Эйнштейна о религиозном чувстве.

Не удержусь, чтобы не выписать ещё одну цитату оттуда, которая мне понравилась:

«Большинство людей все свои силы расходуют в борьбе за свой хлеб насущный. Даже многие из тех, кого судьба или особое дарование избавили от необходимости вести эту борьбу, большую часть сил отдают умножению мирских благ и своего состояния. За подобными усилиями, направленными к накоплению всяческих благ, весьма часто кроется иллюзия, будто в этом и состоит наиболее существенная и желанная цель, к которой надлежит стремиться. К счастью, существует меньшинство, состоящее из тех, кто рано осознал, что самые прекрасные переживания и наибольшее удовлетворение человечество получает не извне, а что они связаны с развитием собственных чувств, мыслей и поступков каждого отдельного индивидуума. Подлинные художники, исследователи и мыслители всегда были людьми такого рода. Как бы незаметно ни проходила жизнь этих людей, плоды их усилий оказывались самым драгоценным вкладом в то наследство, которое поколение оставляет своим преемникам».

Памяти Эмми Нетер  
*The late Emmy Noether. New York Times, 4 May 1935. (Письмо редактору)*